Волочашка

Жил досю́ль старик и старуха. У старика и старухи всего была одна дочь живота. Старик ходил дрова сечь в лес. День сек и по другой сек, затем в лесях заговорило:

— Старик, отдай девку замуж, то и дрова секи, а не отдашь, то и вон пойди.

День сек и ушел домой. Вечером приходит старик, говорит старухе:

— В лесе заговорило, что отдай девку замуж, то и секи дрова, а не отдашь, так прочь поди.

Старуха и вопит, жалко дочерь отдать:

— Сходи еще, что будет на третий день.

На третий день старик приходит в лес, как тюкнул, то и заговорило:

— Старик, отдай девку замуж, то и дрова секи, а если не отдашь, дак и живой не пойдешь.

Ну он что же:

— Ну, отдам, что хошь отдам.

— Ну, как отдашь, пусть идет по золотой дорожке, а не по говенной.

Пришел домой старик и говорит:

— Ну, старуха, отдать надо дочерь, так говорил: никого ничего не сбыть.

Того ж дню стала дочерь и отправилась. Она шла, шла, две ро́сстани, две дорожки попало: одна золотая, а другая говенная, она и пошла. Шла, шла, вдруг стоит избушка на курьей ножке, на веретённой пяты, ну, и другой дом стоит рядом. Она заходит к бабушке-задворенке. Бабушка и говорит:

— Фу, фу, русский дух! Чья ты есть такая?

Она говорит:

— Есть вот то и так, отдали замуж тако. А вот, гыть, на, пришла.

— А, дитятко, оммоешься, оберись, опашись, а там, где <двенадцать> за́весок, попьешь, поешь да за самую лучшую за́веску и повались.

Она взяла убралась и повалилась спать за за́веску. Вдруг стук, гром, идёт <двенадцать> молодцёв. Они и говорят <двенадцато>му брату:

— Ты уж не ужинай, у тебя есть невеста.

Повалились спать, слышит: храпит, спит, — человек есть, а не бает ничего с ей. Посмотреть надо что хошь, протерпела ночь, наутро повыстали, поели, попили и ушли на работу. Бабушка-задворенка приходит к ей.

— Дитятко, каково спа́ла?

— Спала, бабушка, глаза не ви́дла, спит, сопит, храпит.

Бабушка-задворенка гово́рит:

— Отнюдь не смотри, если ты спичечку чиркнешь да жемчуженку уронишь, тогда все сгорит и ничего ни будя, и я сгорю, а ты останешься но́га-бо́са на одной земли.

Она и тую, другую, ночку проморщилась, протерпела, не посмотрела. Опеть приходит на третью ночь, бабушке говорит:

— Что хошь, бабушка, сегодня уж посмотрю.

Бабушка и говорит:

— Уж как ты посмотришь на жемчуженку, искорку уронишь, так все сгорит.

— Не, бабушка, не натво́рю.

Она взяла, повалилась и спички под сголовья взяла. Вдруг стук, громят, идут <двенадцать> молодцев, приходят и говорят <двенадцато>му брату:

— Ты уж не ужинай.

Она слышит, что говорят, а в глаза не видит. Ну, маленько попили, поели, повалились спать, потом слышит — и заспали. Взяла коробочку, спичку

чиркнула огонька да на жемчуженку искорку и уронила, жемчуженка загорела, все загорело. Осталась она го́ла-бо́са на одной земли и пошла скитаться, куды голова понесет. Шла, шла, близко ли, далёко, дошла до селенья, в селенье кузнецы. Зашла в кузницу, сковала латы железны, други оловянны, третьи медные и три посоха сковала: один железный, другой оловянный, третий медный. Ну, и пошла. Шла, шла, близко ли, далеко ли — стоит избушка на курьих ножках на веретёной пяты. В избушке сидит старуха: титьки через грядку, руками уголья гребет, зубами каменья спущат.

— Фу, фу, русский дух, чья ты есть, волочашка, откудашна? По́ щёке ударила, по другой переправила.

— Ох я дура, ох я шельма! У холодной да у голодной родители не велели вестей выспрашивать, надобно напоить, накормить да и то что вестей выспрашивай.

Напоила, накормила, стала вестей выспрашивать. Спрашивает:

— Куда ты идешь?

— А пошла, гыть, перегарного мужа искать.

— О, бедна, — говорит, — далеко тебе идти, куда моя племянница замужем; поди-ка волочашки выточи, байню выпари, моим детям решетом воду наноси.

Она байну затопила и стала воды носить, а птичка
летит, так девушке говорит:

— Глинкой, глинкой заложь.

Она глинкой заложила, воды наносила. Пришла:

— Тетушка, где твои дети?

Говорит:

— Под лавкой, в деловушке, дети скакухи (лягухи), да жигалюхи (ящерицы).

Она пришла в байню, вылила на пол, моет их да хвощет, так хорошо это говорят:

— Вот хорошо, как она моет.

Принесет в байну, разроет кого под полом, кого по углам. Она взяла, намыла их, собрала и принесла на старое место. Потом она:

— Поди, Волочашка, дай коровам ись.

Ушла девушка на хлев, она и спрашивает детей:

— Каково вас чужа тетка парила да мыла?

— Ой, матушка, хорошо-прехорошо, — говорят.

— Ну, хорошо делат, хорошее и ждет пусть.

Потом с хлева пришла, старуха в хлев.

— Каково вас, коровушки, чужа тетка кормила да потчивала?

— Ой, хорошо, прехорошо, — говорят.

— Ну, хорошо делат, хорошого и ждет пусть.

Она взяла да и запоходила, запоходила, она дала ей пряличку.

— Ну, вот что дам я тебе, мила Волочашка, пряличку, только ты ее за деньги не отдавай, а на завет отдай: вырядь с Иваном-царевичем ночь проспать.

И пошла вперед; лапти протоптались, посох сломился. Опять стала избушка на курьей ножке на веретёной пяте...

— Избушка, избушка, повернись к месту задом, ко мне передом, пусти одну ночь ночевать.

В избу заходит старуха еще того больше, говорит:

— Фу, фу, русский дух. Кто пришел? Чья ты есть?

— А ты нокорми да напой, а потом и спрашивай.

— Ох я дура! Мне-ка матушка и батюшка не велели у холодного да у голодного вестей выспрашивать; а вот попоит, покормит не то что вестей выспрашивать.

Напоила, накормила и т. д. (*по-старому*). Запоходи́ла девица, так она дала пяльцо ей.

— Только, — говорит, — за деньги не продавай, а за завет: с Иваном-царевичем ночь проспать.

Ну, потом она пошла и т. д. Старая старуха еще того больше, и т. д. Запоходи́ла, она дала ей па́личку золотую.

— Ты за деньги ей не продавай, за завет: с Иваном-царевичем ночь проспать.

Ну, она и пошла. Шла далеко ли, близко ли, пришла в то царство, где Иван-царевич живет, потом к бабушке-задворенке и зашла. Зашла, с бабушкой-задворенкой поздоровалась, бабушка-задворенка развопилась:

— Ой ты милая, глупая! Меня-то ты сгубила да сама-то погинула, а Иван-царевич ныне на Ягивовне женился, теперь уж не попасть никак.

Ну, она и сказала:

— Хоть мне, бабушка, посмотреть.

Поела, попи́ла, отдохнула, вышла на крыльцо с пряличкой, а Ягивовна пошла на берег за водой и говорит:

— Волочашка, продай пряличку.

— Нет, — говорит, — не продажная у меня, а заветная.

— А что за завет?

— А с Иваном-царевичем ночь проспать.

— Ну, давай, приходи, приноси пряличку вечером.

Она вечером пришла, принесла пряличку, а Иван-царевич сопит, напоен да на кровать снесен, не слышит ничего. Она уж кусала да щипала, будила, да не могла разбудить. Утро пришло, да выгнала вон Ягивовна. Ну, она пришла к бабушке.

— Что? — говорит.

— Ничего, разбудить не могла.

Поела, там попила, покушала, день прошел; она взяла опять с пяльцами вышла на ступени, с золотыма, опять идет Ягивовна.

— Что, женка, продай мне пяльцы, Волочашка.

— Не продажны, а заветны.

— Что за завет? — и т. д...

Вечер пришел, она взяла с пяльцами туда и вышла, а Иван-царевич сопит, напоен да на кровать снесен. Она кусала, щипала, все будила, разбудить не могла. Утро приходит:

— Волочашка, вон ступай.

К бабке пришла со слезами.

— Бабка-задворенка, ладь, — говорит.

— Ну, на поешь, попей да отдохни, а Иван-царевич поедет в чисто поле гулять да заедет ко мне, я и поговорю.

Иван-царевич запоезжал прогуливаться, она и увидала в окошке.

Поехал, заехал Иван-царевич к бабушке-задворенке.

— Сам, — говорит, — я, бабушка, не могу никакого места пошевелить, все выщипано да выкусано, всяко место больно.

А бабушка говорит:

— Иван-царевич, да придет ли тебе старопрежняя жена по разуму али не придет?

— Ой, бабушка, да будто бы не приде, придет кажной день на разуме, да взять негде.

А она и говорит:

— Дотяни, как вечер придет, да тебя Ягивовна станет поить сонным питьем, ты уж не пей, мимо лей и станя кормить сонными блинами, так ты отнюдь не ешь, а куда ни кладовай да притворись, она тебя снесет на кровать, и к тебе придет старопрежняя жена к но́чи.

Он и уехал Иван-царевич, а она взяла пряличку и вышла на ступени. Вышла Ягивовна и говорит:

— Что, — говорит, — Волочашка, продай пряличку.

— Она, — говорит, — не продажна, а заветна — и т. д.

Вецер пришел, Иван-царевич выпил мимо питье, бли́ны давала, а он положил мимо и потом овалился, притворился; она снесла его на кровать эту и пихнула Волочашку, а Иван-царевич как и сонный. Ну, и принял жену. Ночь про́спали, она и гонит Волочашку вон, раз гонит и два гонит, Волочашка ей ничего не говорит. Потом третий раз:

— Волочашка, вон ступай с добра, добра не буде.

А Иван-царевич и говорит:

— Не место-де Волочашке идти вон, и ты-то будешь вон.

Выстал Иван-царевич да приказал Ягивовну на воротах привязять и расстрелять. А с этой женой стал жить да поживать да добра наживать и с лиха сбывать.

(Зап. летом 1906 г. от Степациды Максимовны в д. Корельский Остров Повенецкого уезда Олонецкой губ. (на Выгозере))

Заветные сказки из собрания Н. Е. Ончукова. М.: Ладомир, 1996.